



ЮЛИУС
ФУЧИК
ГУСТА ФУЧИК

РЕПОРТАЖ
С ПЕТЛЁЙ
НА ШЕЕ

ДНЕВНИК
ЗАКЛЮЧЕННОГО
ПЕРЕД КАЗНЬЮ

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ТРИЛЛЕР

Документальный триллер

Юлиус Фучик

**Репортаж с петлей
на шее. Дневник
заключенного перед казнью**

«Алисторус»

1943-1945

УДК 53
ББК 22.3

Фучик Ю.

Репортаж с петлей на шее. Дневник заключенного перед казнью
/ Ю. Фучик — «Алисторус», 1943-1945 — (Документальный
триллер)

ISBN 978-5-00180-764-3

Юлиус Фучик, чешский журналист, участник Движения Сопротивления, был схвачен гестапо в апреле 1942 года. Находясь в тюрьме Панкрац, он написал самый известный в мире текст «Репортаж с петлей на шее». 167 листов на папиросной бумаге тайком выносили два симпатизирующих писателю надзирателя. 8 сентября 1943 года Юлиус Фучик был казнен. После освобождения из концлагеря в 1945 году, его жена Густа собрала спрятанные листы и издала книгу, которую впоследствии перевели на 70 языков. В предлагаемое издание вошли знаменитые статьи Ю. Фучика, а также воспоминания его жены. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 53
ББК 22.3

ISBN 978-5-00180-764-3

© Фучик Ю., 1943-1945
© Алисторус, 1943-1945

Содержание

Предисловие	6
Густа Фучик	8
Глава I. Немецкие фашисты в Праге[1]	8
Глава II. Как мы жили	14
Глава III. Деревня Хотимерж	19
Глава IV. Рядовые будни	26
Глава V. По следам Вожены Немцовой	29
Глава VI. Последнее рождество	32
Глава VII. В обществе птиц	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Юлиус Фучик. Густа Фучик
Репортаж с петлей на шее. Дневник
заключенного перед казнью

Редакторский проект Елизаветы Бута



© ООО «Издательство Родина», 2022

Предисловие

А в жизни нет зрителей.

Занавес поднимается.

Люди, я любил вас! Будьте бдительны!

Юлиус Фучик, 9.6.43

В 1942-м году в Праге, за активное участие в деятельности местных сил Сопротивления, нацистскими оккупационными властями был арестован чешский журналист и видный деятель чехословацкой компартии Юлиус Фучик. Находясь в тюрьме и понимая, что дни его сочтены, он, тем не менее, продолжал творить. При попустительстве охранника Панкрацкой тюрьмы, сочувствовавшего Сопротивлению, Фучик записывал свои тюремные размышления на листы папиросной бумаги, которые позже тот же охранник передавал на волю товарищам Фучика и его жене Густе. Эта рукопись, получившая в России известность под несколько легкомысленным названием «Репортаж с петлей на шее» прославила Юлиуса Фучика и превратила расстрелянного в 1943 году узника гестапо, в героя.

В детстве я никогда не понимала, почему кто-то в сказках становится на сторону зла. Ведь понятно, что добро всегда побеждает. Занимать темную сторону просто невыгодно. Достаточно сказать, что ты с добром, и все. В конце истории ты точно победишь. В школе я продолжала думать примерно так же. Зло не побеждают в сражениях. Кто победил, тот и хороший. Какой смысл выступать против прав и свобод человека, если это никому не понравится? Достаточно просто сразу сказать, что ты за добро. Рано или поздно ты победишь. Так почему тогда все не выбирают добро? Так же выгоднее.

Став чуть постарше, я поняла, что в жизни все не совсем так, как происходит в сказках. Все интереснее. Преступник может спасти человека, а Махатма Ганди, вероятнее всего, кто-то в своей жизни, да обидел. Насильники, серийные убийцы и террористы – обычные люди. Они ничем не отличаются от других. Это мы с вами. Есть, правда, и хорошая новость. Герои, спасающие других ценой своей жизни, сражающиеся за идею и борющиеся за права, – это тоже мы с вами.

Жизнь – не сказка. Тут нельзя определить сторону в самом начале игры. Из дня в день в различных обстоятельствах нам предлагается сделать выбор. Каждый раз мы должны вновь и вновь решать: добро или зло. Иногда выбрать темную сторону кажется проще, и тогда следующий выбор делать будет уже труднее. Юлиус Фучик ничем не отличался от других, кроме одного: он раз за разом выбирал то, что считал правильным, не обращая внимания на то, какую опасность несет этот выбор. Он просто верил, что рано или поздно добро должно победить, а значит, нужно быть на той стороне, где светлее. День за днем он продолжал выбирать эту сторону, хотя уже понимал, что ему не суждено увидеть то, как мир снова окрасится солнечными лучами.

В процессе подготовки книги мне отчаянно хотелось обрезать все политические размышления, восторги и рассуждения, отчасти кажущиеся сейчас странными и наивными, а главное, как мне казалось, отвлекающие от великой и трагической истории Густы и Юлиуса. Однако по мере погружения в материал книги, я постепенно стала понимать, что эти рассуждения, не вполне понятные русскому читателю сражения чешских правозащитников, наивная вера в торжество добра и правды – все это составляет неотъемлемую часть этой истории. Бесконечные аресты, подпольные типографии и правозащитная деятельность, страшное здание гестапо во дворце Печека, в которое попадает Юлиус Фучик и ужасы концлагеря, которые пришлось пережить Густе, – все это происходило на фоне их беззаветной веры в идеалы, за которые им

пришлось заплатить жизнью и свободой. Сегодня эти рассуждения звучат совсем иначе, но в том числе и в них слышится набат, с которым мир встретил 1940-е годы.

Первую часть этой книги составили воспоминания Густы Фучик, в которых она делится своими воспоминаниями о Юлиусе Фучике, вспоминает ужасы жизни в Чехословакии 1940-х, которые закончились для нее в концлагере Равенсбрюк. Лишь после освобождения из концентрационного лагеря к ней в руки попали истерзанные мелким почерком ее мужа листы с рукописью, которую ее муж закончил за несколько часов до казни. Вторую часть книги составила тот самый текст Юлиуса Фучика, прославивший в свое время не только его, но и все движение Сопротивления, в существование которого иногда не верили даже в гестапо. В приложения вошли несколько статей Юлиуса Фучика, которая рассказывают о том, как менялся мир вокруг него в 1930-х, и как мир пришел в ту точку катастрофы, свидетелем которой пришлось стать опальному журналисту Юлиусу Фучику, обычному человеку, который раз за разом выбирал добро. Его история закончилась раньше, чем успело взойти солнце над Европой, но все же судьба его рукописи доказала то, что знает каждый, кто читал в детстве сказки. Рано или поздно добро побеждает зло. Если кажется, что зло вдруг начало выигрывать, то просто это еще не конец.

Е. Бута

Густа Фучик

Воспоминания о войне, аресте мужа и концлагере

Глава I. Немецкие фашисты в Праге¹

Утром 14 марта 1939 г. мы еще этого не знали, но к полудню Юлек² принес домой новость – Чехословацкая Республика расчленена: Словакия провозгласила себя самостоятельным государством. Наш друг Густав Барек³, не прикоснувшись к обеду, ушел. Больше он уже не возвращался домой – в квартиру в районе Прага-Дейвице, в которой одна комната принадлежала Юлеку и мне, а другая – Густаву и его жене. Юлек пообедал и опять ушел. Он тоже не мог усидеть дома, когда творились такие дела. Мы назначили свидание в клубе работников искусств.

В полдень президент Гаха выехал в Берлин к Гитлеру. На улицах, на предприятиях, в учреждениях, в кафе – всюду взволнованные разговоры. Начиная с осени 1938 года, наша страна была изуродована: Гитлер захватил исконные чешские земли с источниками сырья и большей частью промышленности. Бывшие «союзники» – Англия и Франция – не только не воспротивились этому, но даже не гарантировали урезанных границ. Немецкие радиостанции и газеты вели разнузданную, неистовую кампанию против послемюнхенской Чехословакии (так тогда полагалось писать: через дефис). Не было сомнений, что Гитлер найдет способ захватить остатки Чехии и Словакии. Только когда и как? Говорили о новых «зонах» оккупации – Брно, Острава, Будейовице. Сегодня начался захват Словакии. Не есть ли это приговор и для нас?

Вечером мы с Юлеком пошли в советское посольство на Виноградах⁴, в виллу «Тереза», где был организован вечер, посвященный творчеству Тараса Шевченко по случаю двадцатипятилетия со дня его рождения. Сюда пришел и Иван Секанина⁵. Никто не подозревал тогда, что ему осталось жить на свободе менее двенадцати часов. Пришли и другие товарищи. Со многими из них в тот вечер мы виделись в последний раз.

Перед посольством дежурили полицейские в мундирах и тайные агенты в штатском. Они внимательно следили за теми, кто туда входил.

Уже отзвучали мужественные стихи Шевченко о свободе, умолкли звуки рояля. Но коммунисты не расходились. О том, что пора домой, они и не думали. Иван и Юлек поминутно подходили к телефону, расспрашивали о новостях на Главном почтамте, в агентстве печати ЧТК, где у них были хорошие знакомые. Поздно вечером удалось узнать, что на улицах Остравы происходят схватки между чехами и немецко-фашистскими солдатами, вторгшимися из Германии.

Страшная угроза нависла над нашей страной и народом. Однако товарищи сохраняли спокойствие, иногда слышались даже остроумная шутка и приглушенный смех.

Сердце сжималось от тревоги, не покидавшей меня. Терзала мысль, что наш народ не сможет оказать вооруженного сопротивления гитлеровским полчищам. Пограничные оборонительные укрепления уже давно находились в руках врага, о мобилизации никто не помыш-

¹ Пер. с чешск. Н. Сорокина.

² Домашнее прозвище Ю. Фучика. – *Прим. ред.*

³ Сотрудник партии «Руде право». – *Прим. ред.*

⁴ Район Праги. – *Прим. ред.*

⁵ Известный адвокат. Иван Секанина получил признание, среди прочего, как защитник Эрнста Торглера и Георгия Димитрова, обвиняемых в поджоге германского рейхстага, чем заслужил ненависть нацистов. 16 марта 1939 года, на следующий день после того, как немцы начали оккупацию Чехословакии, Иван Секанина был арестован. – *Прим. ред.*

лял, а воля к борьбе, собранная в кулак, такая непреклонная и единая в осенние месяцы прошлого года, теперь была ослаблена и сведена на нет.

Юлек словно прочитал мои невеселые мысли. Хотя и его самого обуревали такие же чувства, тем не менее он ободряюще сказал: наш народ выстоял перед лицом многих испытаний, выстоит и сейчас. Советский Союз не оставит нас в беде. Фучик говорил так уверенно и убедительно, что я еще сильнее, еще ощутимее почувствовала братскую связь с советскими людьми, которые здесь, в стенах посольства, окружили нас сердечностью и дружелюбием. Было понятно, почему никто из наших товарищей не хотел уходить домой: в советском посольстве мы дышали свободно, были среди друзей, которые в трудную минуту поддерживали нас и вселили уверенность.

Ушли 15 марта около четырех часов утра. Ехали в такси. Юлек был задумчив. Всю дорогу молча курил. Только один-единственный раз произнес: мы должны были еще осенью 1938 г. воевать с немецкими фашистами, вопреки капитуляции правительства. Теперь бороться будет намного тяжелее.

На улицах царила предрассветная тишина. Прага еще не ведала о катастрофе.

Дома Юлек по привычке включил радиоприемник. Мне это показалось странным. Ведь в эти часы наши станции ничего не передавали, Прага начинала вещание в шесть. Однако едва нагрелись лампы, как послышались позывные – мелодия из «Вышеграда» Сметаны. Музыка эта прелестна, но начиная с осени 1938 г. я не могла ее спокойно слушать в радиопередачах: тогда она тоже приятно звучала, но оказалась вступительным аккордом к сообщению о капитуляции.

Юлек подозвал меня: случилось что-то из ряда вон выходящее, если в такое необычное время работают радиостанции. Мы в тревожном ожидании стояли возле маленького радиоприемника. Наконец заговорил диктор. Каким-то казенно-металлическим голосом зачитал он потрясающее известие о том, что в шесть часов утра германские войска перейдут границу нашей родины и начнут оккупацию ее территории. Правительство призывало население не чинить им препятствий, ибо всякое сопротивление будет немедленно и решительно сокрушено мощью германских вооруженных сил. Немецкая армия вступит в Прагу около девяти часов утра...

После этого воцарилась мертвая тишина. Наша родина, наша Прага будет осквернена кованым сапогом фашистского солдата! Юлек стоял молча, засунув руки в карманы. Я с отчаянием посмотрела на его словно окаменевшее лицо. Конечно, возвратившись в октябре прошлого года из пограничного района как солдат⁶ армии, вынужденной в результате предательства реакционного правительства сложить оружие без боя, Фучик сознавал всю трагичность положения нашей страны. Юлиус не ждал ничего хорошего и после того, как капитулянтское правительство без боя отдало Гитлеру огромную часть нашей родной земли. Но того, о чем мы услышали сейчас, он не ожидал.

Я первая опомнилась:

– Юлек, ты не можешь оставаться дома. Гестапо наверняка в первую очередь возьмется за коммунистов. Ты же знаешь, именно так и случилось в Германии, когда к власти пришел Гитлер.

Фучик молчал. Он медленно ходил по комнате, окидывая ласковым взглядом стоявшие на полках книги, которые так любил. Затем закурил, держа сигарету своим особенным способом – между тремя пальцами, горящим концом к ладони. Этому он когда-то научился в тюрьме, пряча папиросы от бдительного ока надзирателя.

– Тебе нельзя оставаться дома, – повторила я.

⁶ В сентябре 1938 года из-за всеобщей мобилизации Фучик вступил в полк, к которому был приписан как резервист. – *Прим. ред.*

Он ответил, что должен подумать, куда идти. К товарищам-коммунистам нельзя: им тоже угрожает арест. Идти нужно к тому, кто нам симпатизирует, но находится вне подозрений. Он еще некоторое время молча шагал по комнате, затем, внезапно остановившись, сказал, что пойдет к актеру Ладиславу Богачу.

Однако Юлек медлил. Он начал говорить о том, что наш народ не примирится с оккупацией, так же как не мирился с тиранией Австро-Венгрии. Коммунистическая партия будет бороться. И борьба станет несравненно более жестокой и тяжелой, чем когда-либо раньше.

Мы договорились, что на следующий день я приду к нему.

И вот я одна. Комната вдруг как-то померкла. Книги словно потускнели и ссутулились на полках шкафов, а письменный стол с журналами, словарями, раскрытыми книгами, копиями статей – стол, где кажущийся хаос имел свой строгий порядок, когда тут был Юлек, теперь уподобился полю, изрытому кротовыми холмиками. И ко всему еще эта мрачная, ненастная погода, небо, затянутое пепельными облаками, из которых повалили хлопья мокрого снега.

Вскоре и я ушла из дому. Мне необходимо было хоть минуту побыть среди людей. Я отправилась на Смихов⁷, где жил профессор Зденек Неедлы. Он, наверное, тоже покинул свой дом. Кто знает, может быть, именно в этот момент его уже разыскивает гестапо. Оккупанты въезжали в Прагу на мотоциклах, двигались медленно, словно на параде.

Прохожие шли мимо нацистских солдат, словно не видели их. Но вот из одного дома вышла женщина с чашкой горячего чая. Она протянула ее немецкому солдату. Женщину в ту же минуту окружили люди, кто-то толкнул ее, чай расплескался. Какой-то мужчина возмущенно стал укорять женщину тем, что она не постыдилась угощать оккупантов.

Я возвратилась домой и начала упаковывать рукописи Юлека. Их было немного: он редко приносил работу из редакции.

Уложила рукописи в плетеную корзинку и через несколько дней отвезла в Пльзень. В доме родных Юлека мы с Либушей⁸ спрятали корзинку в подвале под углом. Здесь она пролежала до конца войны.

Но это было через несколько дней, а утром 16 марта, как мы условились с Юлеком, я отправилась к Богачу. Шла осторожно, глухими переулками, постоянно оглядываясь, не следят ли за мной.

Юлек никуда не выходил из квартиры Богача, но знал все городские новости. Он уже слышал о том, что на Вацлавской площади чехи кулаками грозили немецким солдатам и громко выражали свой протест, а чешские полицейские только пассивно наблюдали за происходившим и ничего не предпринимали против патриотов. Я рассказала Юлеку о виденном мною на Смихове. Эти и многие другие факты позволили Фучику составить представление о том, как враждебно настроено население против оккупантов, с какой душевной болью оно встретило ненавистных гитлеровских вояк.

Когда Фучик оставался один, он мучительно думал: как запечатлеть и отобразить трагедию нашего народа для будущего поколения, которому предстоит жить в свободной Чехословакии, в эпоху, когда человечеству не будут угрожать военные пожары. Это новое поколение должно знать и понять, что современники событий не мирятся с национальной трагедией, что наиболее сознательные люди решительно готовились к борьбе. Из его сердца, словно горный поток, вылилось все, что Юлек прочувствовал в минуты, столь тяжкие для нашего народа: письмо Петру – предисловие к роману, который, к сожалению, так и остался неоконченным. Когда он прочитал мне это письмо, я была тронута до глубины души. Фучик как бы исповедовался:

⁷ Район Праги. – *Прим. ред.*

⁸ Сестра Ю. Фучика. – *Прим. ред.*

«Петр, Петруша, две ночи я не смыкал глаз и работал в бессильном волнении, а третью ночь мне не дала спать тревога за тебя. Я закрывал глаза и думал о тебе, о том, как ты родишься, вырастешь, станешь мужчиной... и однажды задашь вопрос. Знаю, что это будет, и я беспокойно ворочаюсь на постели, потому что прихожу в ужас от мысли, что ты можешь не понять. Да, я знаю: вопрос, который будет тебя мучить долгие годы, однажды разобьет скорлупу уважения и почтения к нам, и ты спросишь: как тогда было? Как могло подобное свершиться? Кажется, что это было бесконечно давно, скажешь ты, но ведь моя мать и мой отец жили в то время... Рабство и убийства господствовали тогда в Европе. Справедливость была унижена, как никогда прежде, и каждый ломоть хлеба, проглоченный на коленях, должен был казаться горьким как полынь. Как они могли это терпеть? Что делали против этого?.. Какие это были странные, непонятные, нечеловечные люди! Человеческая ли кровь текла в их жилах? Человеческие ли были у них нервы? Человеческое ли сердце? Были ли они вообще людьми?

Вероятно, мой мальчик, я тебя никогда и не увижу...

Мы – семена, брошенные в землю, Петр. Это и есть наше поколение. Так мы говорим о себе. Не все мы прорастем, не все взойдем, когда придет весна. Каждый из тех кованых сапог, которые стучат над моей головой, может наступить на нас, растоптать – случайно ли, из ненависти, или ради того, чтобы насладиться истреблением, – и мы это знаем. С этим живем.

Не думай, однако, Петр, что мы этого боимся. Не все мы взойдем, но не все и погибнем. И это мы тоже знаем, и с этим живем. Выросшие колосья покроют могилы, и люди забудут их, забудут все – и ужас и скорбь, – лишь урожай поведаст твоему поколению о нас, живых и мертвых: берите и ешьте – это наше тело!

И это мы тоже знаем и этим живем...

Я бросаю свое письмо, словно послание в бутылке, в океан времени. Пусть счастливый прибой положит ее к твоим ногам, и ты, стерев плесень наших переживаний, прочтешь давние слова о людях таких, какие мы есть. Чтобы ты понял нас, мой близкий и незнакомый. Мой Петр!»

На четвертый день позорной оккупации кто-то позвонил в нашу квартиру. Слово электрическим током пронзило меня. Я уже знала, что гестапо хватает и арестовывает наших товарищей. На стенах домов появились устрашающие объявления.

Я пошла открывать. Нет, не гестапо! В дверях стояла мать Юлека. Она приехала из Пльзеня. Войдя в переднюю, мама осторожно оглянулась и лишь потом тихо спросила:

– Где Юлечек?

С детства она называла его уменьшительным именем, хотя теперь он был зрелым мужчиной и на две головы выше ее.

– Его нет дома, – ответила я.

– Как это нет дома, а где же он?

Ее голос задрожал от волнения, а глаза пылливо осматривали комнату.

– Все в порядке, мама, но он вне дома.

Мой ответ не удовлетворил ее. Она чувствовала, что Юлеку угрожает опасность. Мать требовала, просила и настаивала, чтобы ей дали возможность поговорить с сыном. Мое сердце дрогнуло, я не устояла и повела маму к Богачам. Я допустила большую ошибку, нарушив непреложный закон конспирации – о тайной квартире не должен знать никто, кроме того человека, который поддерживает с подпольщиком непосредственную связь. Не могло быть исключения

и для личных свиданий даже с самыми близкими родственниками. Коль скоро это правило нарушено, необходимо было немедленно переменить нелегальную квартиру. Поэтому Юлек был вынужден в тот же день покинуть Богачей, чтобы не ставить под удар и хозяев, и себя. Но мать Юлека уезжала домой счастливая оттого, что поговорила с любимым сыном.

Юлека взял к себе наш сосед архитектор Голый. Из его квартиры в наш чулан вел балкончик. Прошло совсем немного времени, и Фучик обнаружил этот канал связи. Юлек вышел на балкон, – мы жили на самом верхнем этаже, так что снизу его никто не мог заметить, – просунул голову в окошко чулана и тихонько просвистел первые такты революционной песни «Миллионы рук во тьме поднялись». Это были наши позывные. Я тут же прибежала на зов. Так мы подолгу шептались: он, стоя на балкончике, а я – в чулане. Юлек шутя говорил, что мы словно Ромео и Джульетта. Через окошко я подавала ему пищу, газеты и книги из нашей библиотеки. Тогда, в первые дни оккупации, как и после Мюнхена, Фучик много читал, особенно стихи Виктора Дька и Яна Неруды. В них он черпал силу. Трудно высказать, как страдал он оттого, что осенью 1938 г. мы без боя капитулировали. Не могу, однако, припомнить случая, чтобы я когда-либо видела его отчаявшимся, сломленным или смирившимся.

У Голых Фучик не выдержал больше недели. Когда показалось, что непосредственная опасность миновала, что слежки за ними нет, Фучик вернулся домой и стал встречаться с друзьями и товарищами.

* * *

С приходом оккупантов некоторое время продолжал выходить еженедельник «Мир в иллюстрациях» – единственный легальный журнал, который выпускала компартия (под псевдонимом издателя Либуши Трнечковой). Юлек сотрудничал в этом журнале еще с осени 1938 г. При нацистах рукописи Фучика относил в редакцию я. В журнале были помещены его статьи: «Газетная сенсация», «Мир и поэт», «Что читать из чешской литературы» и «О Ф. Л. Челаковском»⁹, «Ян Амос Коменский и мир»¹⁰, «Об Отокаре Бржезине»¹¹. Все эти статьи напечатаны без подписи.

Пятнадцатый номер «Мира в иллюстрациях» за 1939 г. был последним. Фашисты запретили издание журнала. Еще в четырнадцатом номере Фучик писал:

«Условия в последнее время изменяются очень быстро. Так же быстро меняются, конечно, интересы читателей и их запросы. Мы часто не в состоянии ответить на них. Даже быстро движущиеся ротационные машины ежедневных газет не могут поспевать за развитием событий. Нет сомнения, что печатные машины и в дальнейшем не будут поспевать за ними».

Читатели хорошо понимали, что скрывалось за этими словами: оккупация нашей родины недолговечна. В статье «Что читать из чешской литературы» Юлек рекомендовал те произведения, в которых раскрывалась сила народа. Одновременно он предупреждал, что и «издательскую работу нужно будет организовать так, чтобы удовлетворить великое стремление читателей найти в книге советчика и помощника» Необходимо выпускать массовые и дешевые издания чешских классиков.

⁹ Франтишек Ладислав Челаковский (1799–1852) – чешский поэт, писатель, критик, переводчик, филолог, журналист, этнограф и деятель чешского национального возрождения, славист, педагог, вместе с Яном Колларом является одним из главных провозвестников идеи «славянской взаимности». – *Прим. ред.*

¹⁰ Ян Амос Коменский (1592–1670) – чешский педагог-гуманист, писатель, религиозный и общественный деятель, епископ Чешскобратской церкви, основоположник педагогики как самостоятельной дисциплины, систематизатор и популяризатор классно-урочной системы. – *Прим. ред.*

¹¹ Отокар Бржезина (1868–1929) – один из крупнейших чешских поэтов. – *Прим. ред.*

Фучик писал о стихах Ф. Л. Челаковского, знакомил читателя с трудной жизнью автора, рассказывал, как ему приходилось бороться с цензурой, глушившей свободу слова. Читатели понимали, что Юлек подразумевает еще более жестокую фашистскую цензуру. Свою статью он закончил так:

«За критику царского абсолютизма Челаковский был лишен звания профессора, попал в беду. Однако он никогда не падал духом, не отчаивался, был бесстрашным и никогда не отступал».

Рассказывая о героических примерах прошлого, Юлек поднимал настроение людей, призывал их не мириться с оккупацией. Фучик воодушевлял людей на борьбу против гитлеровской тирании.

В то время люди много и жадно читали. И было очень важно, чтобы они глубоко задумывались над прочитанным и находили ответы на волновавшие их вопросы. Поэтому Юлек тщательно обдумывал каждую свою статью, каждую фразу.

Глава II. Как мы жили

Весной 1939 г. мы часто посещали клуб работников искусств Юлек был членом этого клуба. Там встречались артисты, художники, писатели, скульпторы, журналисты – люди прогрессивного образа мыслей. Секретарем клуба был товарищ Лингарт, а администратором – Митиска. В клубе горячо спорили о прогрессивном искусстве и литературе, которые нацисты считали «развращающими». Однако прежде всего обсуждалась политическая обстановка в стране и во всем мире, а также перспективы лучшего будущего. Никто из завсегдатаев клуба не верил в долговременность оккупации. Иногда клуб напоминал вокзал – одни уезжали в эмиграцию, другие уходили в подполье.

Далеко не все члены клуба были коммунисты. Но всех объединяла жгучая ненависть к оккупантам. Некоторые из деятелей искусства были связаны с членами протекторатного правительства и регулярно снабжали Фучика достоверной информацией и даже секретными данными. Полученные сведения Юлек дома обрабатывал, а затем передавал товарищам, работавшим в подполье. Фучик поддерживал с ними постоянную связь. Так продолжалось до лета 1940 г., когда Фучик вынужден был перейти на нелегальное положение. Копии передаваемых сообщений мы поначалу прятали на водопроводном бачке в уборной. Со временем их накопилось столько, что они часто падали на пол. Ради безопасности пришлось уничтожить эти материалы, но небольшая часть их случайно сохранилась.

В июне 1942 г. гестапо разгромило нашу квартиру. Одежда, белье и мебель были разворованы, а книги уничтожены. В квартиру поселили какую-то семью. Несколько листочков фучиковской информации так и остались на бачке. Толстый слой пыли скрыл их. Спустя одиннадцать лет, в 1950 г., когда в квартиру въехали новые съемщики, были найдены фучиковские листки. По ним можно получить представление о характере информации, которую доставлял Юлиус своим друзьям:

«Из министерства финансов (источник, откуда информация получена. – Г. Ф.). Германское министерство финансов потребовало оплатить счет «за защиту» – дань за протекторат, которую мы обязаны ежегодно уплачивать Германии, определена в пределах наивысшей суммы ассигнований по смете министерства иностранных дел Чехословакии за 1938 г. плюс фактические затраты министерства национальной обороны в 1938 г. Следовательно, наивысший расход, какой министерство национальной обороны имело за все двадцать лет».

Другое донесение:

«Из министерства внутренних дел. Вопреки газетным сообщениям о сохранении трудовых лагерей, их ликвидация продолжается. Освобождающихся рабочих увозят в Германию. Из трех среднечешских округов – Прага-Венков, Збраслав и Йилов – за пять дней минувшей недели было вывезено в Германию 14 000 человек. Интересная новость: увозят и женщин».

Еще две информации.

«В учрежденное бюро цен, которое будет играть главенствующую роль в экономике Чехии и Моравии, на должность руководителя был подобран начальник отделения министерства финансов Томанек. Его кандидатуру

поддержало правительство¹². Томанек – специалист, политически инертный национальный демократ. Германское управление протекторатом, однако, кандидатуру Томанека не утвердило. Оно предложило на пост председателя бюро цен инженера Нечаса (социал-демократ. – Г. Ф.), который пользуется их доверием. «Зеднаржи»¹³ также сообщили, что Нечас играет «особую» роль и немецкие органы на него надеются».

«Германизация предприятий». В административный совет Радлицкого молочного комбината – чисто чешского предприятия: 52 % акций Живно (Ремесленного банка), остальные – Аграрного банка, – назначен Кренцлер из Бевки (немецкий банк «Богемисхе ескомпте банк унд кредитансталт» – Г. Ф.) и дворянин фон Лидингхаусен, который состоит уже в административных советах Шкодовки, Зброевки¹⁴ и других предприятий».

В 1939 г. мы – я и Юлек – оказались без работы. Зарплаты не получали, не было у нас и других регулярных доходов. Позже Союз журналистов стал выплачивать нам пособие – 600 крон ежемесячно. Но этой суммы хватало лишь на оплату нашей квартиры в районе Дейвице, Летецка, № 11. Ныне – улица Югославских партизан. Еще в начале 1939 г. Юлек под псевдонимом писал в журналах: «Чин», «Новая свобода», «Путь работников частных предприятий», «Наш путь», «Пчела» и «Мир в иллюстрациях». Но вскоре эти журналы были закрыты. Остался лишь нерегулярный заработок у «китайцев». Так мы в шутку называли издательство «Чин» («Действие»)¹⁵ К Директор издательства инженер Пржикрыл, а после его ареста директор Седлачек заказывали Юлеку рецензии на книги, выпущенные «Чином». Это были полурецензии, полурекламы – статейки объемом в две-три странички. За каждую такую «рекламу», как их называл Юлек, он получал от 50 до 100 крон. Содержание многих книг Юлек знал. Однако раньше, чем писать, он каждую книгу вновь перечитывал. Издательство «Чин» публиковало статьи большей частью в «Лидовых новинках», нередко в сокращенном виде. До сегодняшнего дня сохранилось 35 «рекламой» Фучика. Между ними – рецензии на книги Теодора Драйзера «Сестра Керри» и «Финансист». Фучик писал: «Его «Финансиста» вы можете читать не только в силу художественного мастерства, но и буквально в поучение. Вы много узнаете о несправедливости и мерзости того мира, когда поймете, какие люди и какие интересы в нем побеждают»..

В рецензии на книгу Марии Майеровой «Прекраснейший мир» Юлек отмечал: «Десятки тысяч людей читали и читают это произведение. Сегодня мы уже знаем, что это книга исключительного значения. Это – одна из тех редких книг, которые живут и воздействуют на много поколений, даже и тогда, когда будет давно забыта большая часть из того, что сопутствовало их возникновению. И все потому, что Майерова имела смелость и способность в «Прекраснейшем мире» сильно выразить то, чем мы жили в годы, предшествовавшие войне, и что определяло эволюцию мира к лучшему будущему...»

Нигде и никогда, даже в условиях строжайшей фашистской цензуры, в любой, пусть в самой незначительной статье Юлек не упускал случая сказать о лучшем будущем, которое у него всегда ассоциировалось с «Прекраснейшим миром», с миром социализма, с Советским Союзом.

¹² Правительство протектората. – Прим. ред.

¹³ Вольные каменщики – масоны. – Прим. ред.

¹⁴ Шкодовка – заводы «Шкода», теперь – машиностроительный комбинат им. В. И. Ленина в г. Пльзене. Зброевка – крупный завод в г. Брно. – Прим. ред.

¹⁵ Игра слов. По-чешски, «Чина» – это Китай. – Прим. ред.

Однажды на трамвайной остановке мы встретили Йозефа Гашу и пригласили его к нам. Он должен был передать Юлеку какую-то информацию. Гаша пришел к нам в воскресенье, в полдень. В разговоре, словно мимоходом, Йозеф спросил:

- Вы что же, сегодня не готовите обед?
- Нет, – ответила я.
- Обедать будете в ресторане? – поинтересовался гость.
- Может быть, – сказала я.

Гаша не стал больше расспрашивать, а Юлек перевел разговор на другую тему. Мы находились тогда в таком положении, когда у нас действительно не на что было обедать.

Вечером мы обнаружили в своем почтовом ящике талоны на тридцать уже оплаченных обедов в ресторане Вашаты на Вацлавской площади. Кто иной, кроме Гаша, мог принести их? Юлек взял талоны, минуту молча глядел на них, а потом сказал:

– Но мы не одни воспользуемся ими. И у других товарищей также нечего есть. Эти талоны мы разделим, не возражаешь?

Фучик отдал по десять талонов Яну Крейчиму и Фрицку Райцину – бывшим сотрудникам «Руде право».

В начале мая 1939 г. Юлека вызвали в Союз журналистов и сообщили, что он должен явиться в НОУЗ. Так сокращенно назывались Центральные национальные профсоюзы, которые сотрудничали с немецкими фашистами. На вопрос: «Зачем?» – Фучику было сказано, что НОУЗ потребовали списки безработных журналистов, якобы для предоставления им работы. Юлек уехал домой, чтобы поразмыслить, следует ли ему являться. Мы договорились, что он сходит и узнает, чего от него хотят.

В НОУЗе Юлек говорил с его председателем – Сточесом, который, будто бы по договоренности с немецким шефом по делам печати Вольфрамом фон Вольмаром (мы насмешливо его называли Тунгсрам фон Осрам – по маркам электрических лампочек «Тунгсрам и Осрам»), предложил Фучику место редактора литературного отдела в журнале «Чески делник». Задачей этого журнала было воспитывать чехов, вывезенных на принудительные работы в Германию, в духе преданности империи.

Когда после выпускных экзаменов на аттестат зрелости Юлек уезжал из Пльзеня в Прагу для поступления в высшую школу, мать подарила ему свою фотографию, на оборотной стороне которой написала: «Все обдумай, прежде чем что-либо сделать. Твоя мама». Хотя Фучик проявлял необычайный интерес к романтике и приключениям, рассудительность была неотъемлемым его качеством. Вот и теперь необходимо было все как следует обдумать. Юлиус не сомневался, что «Чески делник» будет фашистским журналом, а потому он не сможет принять предложенную должность. Председателю коллаборационистских профсоюзов было известно, что Фучик коммунист. Неужели Сточес серьезно думал, что Фучик за несколько дней изменит свои взгляды?

Разве мог бы он в фашистском листке выступать против оккупантов? Это было исключено. При первой же попытке Фучика арестовали бы, статья так и не увидела бы света. Мы не были уверены и в том, что его не посадят прямо в НОУЗе, когда он откажется от предложенной должности. И вот Фучик решил поиздеваться над своими нанимателями. Поначалу он спросил, какое жалованье будет положено. Ему ответили, что для раздела культуры в еженедельнике будет отведена всего лишь одна страница. За ее редактирование могут платить тысячу крон в месяц и плюс специальный гонорар за каждую лично Фучиком написанную статью. Он сделал вид, что этого мало. Ему предложили тысячу пятьсот крон. И этого Фучику показалось недостаточным. Тогда повысили ставку до двух тысяч. Но и теперь он не был удовлетворен. Наконец, когда сумма возросла в четыре раза и Юлек почувствовал, что продолжать игру в аукцион было бы слишком рискованно, он сказал:

– Свои убеждения я не продам ни за какие деньги. Писать то, что вы хотите напечатать, я не смогу, а то, что захотел бы написать я, вы никогда не напечатаете.

Затем Фучик отправился в Союз журналистов, чтобы сообщить о своем отказе работать в «Чески делник». Некоторые журналисты пришли в ужас, говорили, что Юлек рехнулся, что он будет немедленно арестован. Ведь известно, что он коммунист, а это уже само по себе является поводом к тюремному заключению. Однако Юлек не мог поступить иначе.

В мае 1939 г. с помощью Курта Конрада – пресс-атташе консульства СССР в Праге – Юлек послал статью для Московского радио. Ее копия не сохранилась. После освобождения Чехословакии Советской Армией приятель Фучика товарищ Василь Прокупец привез мне из Москвы последний абзац статьи:

«Как и в другие времена, в мае цветет на Петржине сирень. Так же, как и в иную пору, в мае прыгают дрозды на зеленых склонах Летны и Кинского сада. Как и в прежние времена, в мае утки выводят своих утят на Влтаве, разлившейся широко от весенних дождей. И Прага прекрасна в сиянии молодого щедрого солнца. Однако пражане, всегда очень гордящиеся своим городом, сегодня смотрят на его красу испуганно и удивляются нечувствительности деревьев, которые смогли зацвести и в мае 1939 года».

В апреле нас навестил товарищ, посланный Центральным Комитетом партии. Он посоветовал Юлеку уехать. В то время некоторым товарищам еще удавалось тайно выехать без паспортов либо с фальшивыми паспортами в Польшу, а оттуда – в Советский Союз или Англию. Юлек ответил, что в Чехословакии также должны остаться профессиональные партийные работники, чтобы организовать борьбу против оккупантов. Но окончательного ответа он не дал.

Вскоре тот же товарищ пришел вторично. Он принес паспорт, деньги на дорогу и сказал буквально следующее: «Юли, если ты хочешь, партия разрешает тебе уехать». Юлек ответил, что он не видит в сказанном категорического приказа партии. Следовательно, все зависит от него самого, от его выбора. Он же решает остаться. Я пробовала отговорить его, советовала уехать, но все напрасно: он был тверд. Так окончательно решился вопрос с отъездом Фучика за границу.

Товарищ ушел. Примерно через час после него ушел и Юлек. Вскоре после их ухода раздался звонок. Это не был робкий звук, характерный для нищих, которые едва прикасались к кнопке, когда приходили за милостыней. Не чувствовалось и руки друга, извещавшего о своем приходе. Звонок трещал резко, порывисто и повелительно. Меня охватило беспокойство, я открыла дверь. В квартиру ворвались двое мужчин, буркнув: «Гестапо!». Один – немец, другой – чех, переводчик. Спросили мою фамилию. Я назвалась той фамилией, которая была на щитке входной двери. Их заинтересовало, живет ли здесь Бареш. Мне сразу стало легче, и я спокойно ответила, что вся семья Барешей уже давно выехала. Когда? Полминутки подумав, я сказала, что в начале года. Это было не так. Товарищ Бареш покинул квартиру 14 марта, а вскоре после него ушла и его жена. Она иногда даже бывала у нас. Я заявила гестаповцам, что якобы сержусь на Барешей за то, что они не платят за квартиру и не дают знать о себе.

В разговоре я старалась быть краткой, помня, что слово – серебро, а молчание – золото. Эти гестаповцы показались мне не такими свирепыми и грубыми, каких мне довелось встречать позже. Приказав немедленно известить гестапо, когда появится Бареш либо его жена, они удалились.

Когда затихли их шаги на лестнице, я позвонила от соседей Голых по телефону брату Барешевой и попросила передать, чтобы она вечером обязательно пришла в клуб работников искусств, так как мне необходимо с ней поговорить. Брат Барешевой тут же отпросился

с работы и немедленно поехал к сестре. Так мне удалось в тот же день предупредить наших товарищей.

Глава III. Деревня Хотимерж

По решению Компартии Чехословакии не все профессиональные революционеры должны были немедленно уйти в подполье, когда в нашу страну вторглись немецкие фашисты.

Нелегальное положение, как известно, требует, чтобы люди жили на конспиративных квартирах, под вымышленными именами, и порвали все связи со средой, в которой до того жили. В трудной борьбе с оккупантами партия размещала свои силы с таким расчетом, чтобы иметь резервы. Юлек не был включен в первую линию бойцов. Хотя он и поддерживал конспиративную связь с первым нелегальным Центральным Комитетом партии, однако жил полулегально. Он не должен был привлекать к себе внимание гестапо.

Отказ Фучика от сотрудничества в фашистском бульварном листке, посещение гестаповцами нашей пражской квартиры послужили причиной отъезда в Хотимерж. И еще одно обстоятельство вынудило нас к этому. 24 апреля 1939 г. в официальном вестнике было опубликовано решение Пражского краевого уголовного суда, согласно которому брошюра «Придет ли Красная Армия на помощь?», написанная Фучиком летом 1938 г., «представляет собой преступное распространение ложных сообщений, предусмотренное § 18, пунктом 2 закона № 50/23, а потому конфискуется. Дальнейшее ее распространение запрещается». А некоторое время спустя, 15 июня 1939 г., в официальном вестнике было напечатано решение Пражского краевого уголовного суда о конфискации книги Фучика «В стране, где наше завтра является вчерашним днем».

Итак, мы уехали в Хотимерж – в маленькую деревушку, расположенную недалеко от города Домажлице. В этом селении отец Юлека в 1933 г. купил дом на деньги, унаследованные от своего умершего брата – композитора, тоже Юлиуса Фучика.

Семья Фучиков жила в двухэтажном доме. Наверху – четыре комнаты. Столько же внизу. Позже ко второму этажу пристроили террасу и комнату, которым дали громкое название «холл». И к первому этажу также были пристроены две маленькие комнатки. Терраса выходила на юг. Восточная стена холла имела четыре окна. Между ними, на среднем простенке, тикали старые «шварцвальдки» – часы с кукушкой. У северной стены стояло пианино. На нем играли сестры Юлека. В центре холла – массивный стол с огромным выдвижным ящиком. Им завладел отец. Там лежали гвозди, винтики, долота, молотки, клещи, напильники, удочки, поплавки. Хранилась также тетрадь, в которой отец вел строгую запись: сколько в огороде высажено капустной рассады, салата, кольраби; каков был урожай; сколько ежедневно кладут несушки яиц; сколько кукурузы было куплено для кур; когда наседка уселась на яйца; когда у Лизиньки появятся козлята. В отцовский выдвижной ящик никто не смел лазить. Холл стал для Юлека и меня кабинетом. Летом по воскресеньям мы обязаны были большой стол освободить: на нем обедали. Тогда, во время каникул 1939 г., на воскресные обеды в Хотимерже часто собирались: мать с отцом, я с Юлеком, его сестры – Либа и Вера, Либин муж, две их дочурки, а также будущий муж Веры.

С тех пор как Фучики купили этот дом, отец вышел на пенсию и жил в Хотимерже круглый год. Время от времени он, правда, уезжал в Пльзень, где находились мама с Верой, которая еще ходила в школу, а позже учительствовала в деревне за Пльзенем. Но, не успев обогреться, старик торопился обратно в Хотимерж. Только на святках задерживался он в Пльзене на несколько дней. В свою очередь и мама с Верой начиная с ранней весны и до глубокой осени, кроме двух летних месяцев, каждую субботу приезжали к отцу, а в понедельник возвращались в Пльзень. Летом в Хотимерже бывало оживленно и весело. Съезжалась вся семья Фучиков. Тогда мама была очень счастлива: все дети в сборе. Приезд Юлека был для нее настоящим праздником. Он появлялся редко, а мать его так любила!

Мы выехали в Хотимерж в конце мая 1939 г. Каждый состав, шедший от Пльзеня до Домажлиц (направление на Хотимерж), имел во время оккупации три разряда вагонов. Первые три вагона, примыкавшие непосредственно к паровозу (зимой в них было теплее, чем в остальных), имели таблички: «Из империи и в империю». В них ездили только немцы. Ни в один из этих вагонов не смел вступить чех. Не мог войти чех и в следующие четыре вагона с надписью: «Из протектората в империю и из империи в протекторат». Чехам разрешалось ехать только в последнем вагоне с надписью: «Из протектората в протекторат». Оккупанты считали, что одного вагона, к тому же зимой почти не отапливаемого, вполне достаточно для порабощенного народа. Между тем из Домажлиц и его окрестностей ежедневно ездили в Пльзень и обратно многие рабочие. Поэтому в вагоне была ужасная давка, в то время как остальные вагоны шли полупустыми. Вторая за Пльзенем остановка – станция Ныржаны и следующие пять – Збух, Хотешов, Стод, Градец у Стода, Гольшев – вместе с расположенными здесь рудниками и промышленными предприятиями с осени 1938 г. входили в состав «империи». При прохождении поезда по этой «германской» территории не разрешалось открывать окна в вагоне; чех только через стекло мог посмотреть на свой родной край, захваченный врагом. Можно себе представить, что чувствовал каждый патриот, проезжая по оккупированной земле, с какой «любовью» глядел он на поработителей.

Только за станцией Каменице начинался протекторат. Далее следовала станция Станьков, а затем Осврачин, где нам пришлось выйти, потому что следующая станция Ближенев, от которой было рукой подать до цели нашего путешествия, уже входила в «империю».

Путь от села Осврачин вдоль железнодорожного полотна был самым коротким. Эта дорожка – хотя по ней и запрещалось ходить – была хорошо утоптана. Меньше чем за полчаса мы дошли до Хотимержа, куда отца уже много лет влекла рыбная ловля

Когда мы позвонили у железной, покрашенной ярко-голубой краской калитки фучиковского дома, то первыми отозвались собаки. Йерык по старой привычке стремглав примчался к калитке. Казалось, от радости пес поперхнется собственным лаем. Мы пытались его утихомирить, но чем больше уговаривали, тем громче выражал он свой восторг. Калитка, однако, не поддавалась, и он убежал к дому. Второй пес, Виктор, содержащийся в проволочной клетке, которая должна была создать ему репутацию злой собаки, также залаял. К этому дуэту присоединились куры. Они встревоженно закудахтали. К калитке с лаем прибежала третья собака – Бланка.

– Бланка, тихо! Йерык, возмись за ум, перестань! – урезонивал Юлек.

Но в поднявшемся переполохе мы не слышали собственных слов.

Пришла мама с ключом от калитки. Разумеется, мы не предупредили родных о приезде. Тем большим был восторг. Как радовалась мама, что опять увидела Юлека живого, здорового!

– Приветствую вас, дети! Здравствуй, Юлечек! – сказала мама и, взяв Юлека под руку, повела нас к дому.

Отец, конечно, был где-то у реки. Мама быстро накрыла на стол.

– Ну, рассказывай, Юлечек, что нового? Когда же будет конец этому кошмару?

– Придется подождать годика три. Мы должны хорошенько потрудиться, чтобы это продолжалось не дольше, – ответил Юлек.

Мама хотела услышать более утешительные слова. Она поверила бы, потому что их сказал он, ее сын.

– Вы останетесь тут, дети? – спросила мама.

– Если вы нас, мама, оставите, – полушутя, полусерьезно ответил Юлек.

– Оставайтесь столько, сколько сами захотите.

В этом доме Юлек провел с небольшими перерывами четырнадцать месяцев в труде и относительном покое.

Первой его заботой были книги, которые мы привезли с собой: куда их девать? Книг пока было немного, но им тоже нужно было место. Юлек смастерил полку с тремя отделениями, которую прикрепил в холле к стене у террасы. На полку были уложены привезенные книги. Через некоторое время Фучик сделал еще одну полку. Когда и она оказалась заполненной, он разместил книги на крышке пианино.

Мы не заявляли властям о приезде в Хотимерж на постоянное жительство. В наши планы вовсе не входило ставить гестапо в известность о нашем местожительстве. Один раз в две, а то и в три недели Юлек уезжал в Прагу. Иногда с ним ездила и я. Фучик регулярно получал доверительную и тайную информацию от людей, которые имели связь с некоторыми высокопоставленными особами и с членами протекторатного правительства. Сообщения Фучик передавал нашим товарищам, работавшим в подполье, в частности Яну Крейчиму.

Когда Юлек уезжал в Прагу, он, как правило, садился в поезд в последние минуты. Впрочем, с тех пор, как я его знала, он всегда так поступал. Мать с отцом с беспокойством поглядывали на часы, а потом на сына: «Поспее ли парень на поезд?». Наконец папа звучным басом говорил:

– Юльча, уже пора, смотри опоздаешь.

На это Фучик спокойно отвечал:

– Успею, папа!

В самый последний момент, уже выходя, он вдруг вспоминал, что забыл взять в дорогу еще одну книжку. В Прагу он ездил налегке. Зато из Праги возвращался нагруженный пачками книг.

Начиная с 1936 г., после возвращения из Советского Союза, Фучик усердно разыскивал и собирал чешскую литературу эпохи национального Возрождения¹⁶. В Праге, недалеко от философского факультета на Капровой улице, в Старом городе, был антиквариат¹⁷. Юлек регулярно посещал его. Бывал он частым гостем и в большом книжном магазине и антиквариате на Гибернской улице. В антиквариате на Карловой улице Юлек обнаружил очень интересные книги, журналы и газеты, выходившие в XIX веке в Чехословакии. Юлек постепенно приобрел их и часть перевез в Хотимерж. Он вечно рылся в букинистических магазинах и отбирал редкостные книги. Ему часто не хватало денег, чтобы за все заплатить. Тогда хозяин откладывал в сторону отобранные книги, а Фучик, как только у него появлялись деньги, тут же относил их в магазин.

В литературных произведениях эпохи национального Возрождения Фучик в мрачные годы оккупации черпал новые силы. Он говорил мне:

– Во все тяжкие времена, во мраке которых можешь заблудиться, прислушайся к голосу чешской литературы. Услышишь голос народа, который тебя безошибочно выведет на верный путь.

В июле 1939 г. в Хотимерж приехала сестра Юлека Либа с двумя дочурками. Вместе с ней мы часто вспоминали о минувшем годе, когда бродили по шумавским лесам. Как нас на горе Роклан настиг ливень, и мы пустились со всех ног вниз. Но раньше, чем добежали до леса, промокли до нитки. В доме лесника нашли приют: высушили одежду и переночевали. Юлек, я и маленькая Либушка схватили лихорадку. Только Либа старшая была здорова и бодрa. Она варила нам чай и за всеми тремя ухаживала. Где сегодня тот добрый лесник и его жена? Ведь они чехи, а Шумава была включена в состав нацистской Германии.

Юлек, чтобы рассеять грустное настроение, овладевшее нами от невеселых мыслей, предложил:

¹⁶ Чешское национальное Возрождение – культурное движение, которое имело место в Чехии в XVIII–XIX веках. Целью этого движения было возрождение чешского языка, культуры и национальной самобытности. Наиболее выдающимися фигурами движения возрождения были Йозеф Добровский и Йозеф Юнгман. – *Прим. ред.*

¹⁷ Антикварный магазин. (разг.). – *Прим. ред.*

– А не отправиться ли нам куда-нибудь?

И вот 25 июля 1939 г. Юлек, я, Либа, ее муж и маленькая Либушка отправились в экскурсию по Южной и Восточной Чехии. Муж Либы имел автомашину. Либа с ним договорилась, и он согласился взять нас, заранее оговорив, чтобы мы несли свою долю расходов на бензин.

Всякий раз, когда мы куда-либо собирались, Юлек начинал составлять план поездки. Так было и на этот раз В своих серых вельветовых брюках, которые постоянно носил в Хотимерже, в цветной клетчатой рубашке, Фучик сидел в холле у стола, склонившись над географическими картами и путеводителями. Он усердно листал их, обдумывал и комбинировал, делал пометки. Наконец план на целую неделю путешествия был готов. Однако в горы, где мы любили проводить отпуск, ехать было нельзя, ибо никаких гор у республики не осталось: ни богатой лугами Крконоше, ни Шумава с дремучими лесами, ни Крушных гор. Эти богатейшие и красивейшие районы были отданы третьей империи «ради сохранения мира в Европе». Не прошло, однако, и полугода, как Гитлер оккупировал остальную часть нашей страны, а еще через полгода развязал вторую мировую войну...

Мы ехали по родной стране в первое лето протектората. Города и села внешне выглядели буднично, леса были полны разноголосого щебетания птиц, природа жила своей жизнью. Ее не коснулась наша неволя. Юлеку была знакома почти каждая пядь родной земли. Ведь он ее много раз исходил вдоль и поперек. Он знал все исторические места, знал, где, в какой деревушке родились наши великие поэты, писатели, композиторы.

Согласно плану, составленному Фучиком, мы в первую очередь побывали в Таборе, знаменитом славной историей гуситских войн. Потом посетили родину Карела Гавличка-Боровского¹⁸ его родное село и город, где известного сатирика схватили австрийские жандармы и заключили в тюрьму. Юлек говорил мне, что он испытывает странное чувство, когда читает произведения Боровского или глядит на его портрет, на его казацкие усы. На вид Гавличку было не меньше пятидесяти, а на самом деле – всего-навсего тридцать пять лет.

В «немецком» Гавличковом Броде мы с Юлеком разлучились. Там мы заночевали, а Юлек поехал в Прагу. Через два дня он приехал к нам в Потштейн. Отсюда мы отправились в те места, где жила Вожена Немцова и ее бессмертная «Бабушка», где жили Алоиз Ирасекигерои его знаменитого романа «Ф. Л. Век». Юлек был нашим экскурсоводом. Он все объяснял, как бы приближая давно минувшие времена. Фучик говорил: «Я гляжу в прошлое, чтобы познать будущее».

Фучик завел нас на самую границу с Германией, где на средства нашего народа еще в годы Первой республики были возведены военные укрепления. Мы беседовали с окрестными жителями. Они рассказывали, как на строительстве укреплений работали сотни людей, каких огромных денег это стоило. Потом капитулянтское правительство Чехословакии сдало оборонительные сооружения Гитлеру. Теперь немецкие фашисты взрывают эти бункеры. Нацисты думают, что наша страна будет принадлежать им вечно. Юлек заметил, что мы-то так не думаем. Наши «огневые точки» настолько прочны, что уничтожение их требует большого труда, а ведь свободолюбивый дух чешского народа во сто крат сильнее.

Осмотрели и Гронов – город Алоиза Ирасека. Вошли в избушку, в которой он родился. Мы осторожно ступали по старым половицам, на которых будущий писатель учился ходить. О молодых годах Ирасека рассказали нам фотографии на стенах, подпирающих низкий потолок. Выглянули мы и в сад из окошечек величиной с ладонь.

Во время оккупации начал выходить тетрадами большой роман Ирасека «У нас». Юлек подписался на это издание и всегда, когда бывал в Праге, заходил в «Чешскую экспедицию»,

¹⁸ Карел Гавличек-Боровский (1821–1856) – чешский политический деятель, поэт, публицист; один из основоположников чешской журналистики, сатиры и литературной критики. Вацлав Гавел назвал его первым чешским диссидентом. – *Прим. ред.*

получал тетради и привозил в Хотимерж. Все тетради, за исключением последней, сохранились по сей день.

Из странствий по Чехии мы вернулись 31 июля. В ту пору готовилось народное гулянье в Домажлице в день храмового праздника святого Вавржинца. В иные годы на него собиралось несколько сот человек. Можно было полюбоваться прекрасным собранием ярких национальных костюмов Домажлицкого края, в которые облачались преимущественно женщины. На этот раз мы решили поехать в Домажлице не ради колоритного зрелища, а совсем по иным мотивам. Об этом предстоящем празднике говорили давно, и не только в ближайших окрестностях, но и далеко вокруг. Не случайно туда съехалось небывало много народу. С тех пор как Домажлице стала Домажлицами, под ее древними аркадами не прошло столько народу, как в то августовское воскресенье 1939 г. Из Праги приехали товарищ Богоушек Новотный (один из первых редакторов «Руде право») и артисты Национального театра. На праздник пришли ходы¹⁹ из сел, захваченных Гитлером. Вопреки всем препонам, без пропусков, тайно, перешли они границу. Некоторые женщины из ходских деревень принесли свои национальные костюмы в узелках – в империи они не смели надевать их – и переоделись лишь в Домажлице. Обо всем этом Юлек узнал, когда бродил в толпе, беседовал с людьми, расспрашивал, откуда кто пришел.

Народное гулянье в Домажлице вылилось в огромную, хотя и стихийную патриотическую демонстрацию чехов на границах третьей империи. Здесь звучали чешские песни. Незнакомые люди понимающе улыбались друг другу, радовались тому, что собралось столько народу и что их свела сюда ненависть к нацистским оккупантам, ненависть к Гитлеру. Такое могучее проявление коллективной воли сплотившихся чехов было полной неожиданностью для гитлеровцев. Они оказались совершенно не подготовлены к этому, а потому нигде и не показывались. Зато потом нацисты обложили Домажлице стотысячным штрафом.

* * *

В августе 1939 г. был заключен советско-германский пакт о ненападении. Это кое у кого вызвало замешательство.

Юлек разъяснял людям предательскую политику западных держав, их антисоветские позиции. Он убеждал каждого в том, что Советский Союз никогда не покинет наш народ, что СССР представляет собой единственную несокрушимую преграду, о которую фашисты разобьют себе голову. Аргументы Фучика были ясны и убедительны.

Прошла лишь неделя, и фашистская Германия вероломно напала на Польшу. Об этом мы узнали по радио. К Юлеку сбежалась вся семья. Первым чувством, как это ни удивительно, была радость. Каждый предполагал, что Англия и Франция, которые гарантировали целостность польских границ, помогут Польше в войне против Гитлера и он в самое короткое время будет разгромлен. Тогда и наша страна вновь обретет свободу. Я была бы рада услышать от Юлека подтверждение этого предположения. Но он только пожал плечами. Фучик не верил ни французским, ни английским господам. Его недоверие вскоре оправдалось. Англия и Франция хотя и объявили Гитлеру войну, но на деле оставили Польшу один на один с Гитлером. После семнадцати дней героической обороны недостаточно вооруженные польские войска капитулировали. Так грезы чешского народа о близком освобождении рассеялись как туман.

В одну из своих поездок Юлек привез из Праги известие о том, что гестапо проводит повальные аресты чешских патриотов. Гитлеровцы перешли к открытым репрессиям. Фучик, укрывшись в деревне, оставался пока в относительной безопасности. Он погрузился в изучение литературы эпохи национального Возрождения: штудировал произведения Клацела, Сабины, Вожены Немцовой, Гавличка и других писателей того времени. Много часов просиживал он

¹⁹ Чешские крестьяне пограничных сел. – Прим. ред.

над книгой Якубеца «Чешская литература», отмечая на полях те места, которые его волновали или с которыми он не был согласен.

К оценке, которую Якубец²⁰ дает Яну Православу Коубеку, Юлек приписал: «Несправедливо резко!». И в других местах много вопросительных знаков, волнистых и прямых линий, оставленных Юлеком на полях очерка о Я. П. Коубеке. Это показывает, что с мнением Якубеца Фучик не соглашался.

Летом Юлек читал и писал в холле, где было сравнительно тихо. Никто в будний день сюда не входил, если знал, что Юлек углубился в работу. Если отец хотел взять из стола новый крючок для удочки, то тихонько заходил в холл, а мама беспокоила сына только тогда, когда наступал час обеда, осторожно стучала в дверь и говорила: «Юлечек, иди кушать». Мать и отец с большим уважением относились к труду сына, хотя он и не требовал от них такого к себе внимания.

Фучик уже давно привык работать в любых условиях: в трактирах глухих сел и захолустных городишек, в кафе областных городов или Праги. А в таких местах посетители разговаривают особенно громко. Да и в редакциях никогда не соблюдают тишину. В одной малой комнате сидело не менее двух сотрудников, и дверь никогда не закрывалась: поминутно кто-нибудь приходил. Если Фучик писал дома, то включал радиоприемник и работал под музыку. При любом шуме и гаме Юлек способен был погрузиться в работу: писать, читать, обдумывать, изучать. Если в такие минуты к нему обращались, то случалось, что сразу он и не отвечал, потому что не воспринимал окружающий мир. Может быть, к такому сосредоточению он привык уже с детства, в Пльзене. Тогда в маленькой кухне семья проводила дни и вечера, а Юлек должен был готовить уроки.

Летом 1939 г. были и другие нарушители тишины. Во-первых, влетавшая через открытую дверь горлинка. Птица была такой безбоязненной, что садилась на стол, кланялась и ворковала. Юлек минутку прислушивался, а потом говорил: «Ну, хватит, лети теперь куда-нибудь в другое место!» Горлица, конечно, не понимала, и Фучику приходилось объясняться на понятном ей языке: «Кыш!». Вторым возмутителем спокойствия был Йерык. Он всегда был начеку и не упускал ни одной возможности, чтобы проскользнуть в щель приоткрытой двери. Как только ему это удавалось, пес тут же кидался к Юлеку, терся о его ноги и таявал от восторга.

Однажды в холл залетела касатка, которая, должно быть, впервые покинула гнездо. Очувтившись в незнакомом мире, она в мгновение ока метнулась к окну, сильно ударила головой о стекло и свалилась на пол. Юлек поднял ее, положил на стол и попытался сделать ей искусственное дыхание, осторожненько растягивая и вновь складывая ее крылышки.

Продолжалось это до тех пор, пока птица не открыла глаза. Мы принесли ей немножко молока, но она не прикоснулась к нему. Юлек попробовал поставить ласточку на ноги, но они не держали ее. Мы отыскали коробку из-под папиросных гильз, выстлали ее тряпочками, и Юлек уложил касатку, которую считал в некотором роде своей подопечной. Примерно через час мы подошли посмотреть на птичку. Юлек подержал ее клювик в мисочке с молоком: ласточка не раскрывала рта. Тогда Юлек осторожно раскрыл клювик и влил в него капельку молока. Ласточка проглотила.

В течение двух дней Юлек ухаживал за ласточкой и кормил ее. На третий день он поставил касатку на стол. Она замахала крылышками и слетела на пол. Тогда Юлек поставил ее на подоконник и раскрыл окно. Ласточка защебетала, взмахнула крыльями, фьюить – и уже во дворе. Как только она вылетела, откуда-то взялись две взрослые ласточки. Они кружились над птенцом, щебетали и вскоре увели его на провод звонка, тянувшийся от калитки к дому. На этом проводе все три птицы уселись отдохнуть. Затем они вспорхнули и исчезли.

²⁰ Профессор чешской литературы в Пражском университете. – *Прим. ред.*

На следующий день, рано утром, на провод уселось много ласточек. Они жались одна к другой, словно нанизанные на нитку бусы, и весело щебетали. Юлек уверял нас, что птицы благодарят за спасение одной из них.

Глава IV. Рядовые будни

После шумного лета в Хотимерже наступила тихая осень. Мама с Верой и Либа с детьми уехали в Пльзень. У отца было много работы в саду и на огороде: снимал урожай лука и других овощей. Мы помогали собирать фрукты.

Из холла, где стало очень холодно, мы перебрались в кухню. Вечером, когда отец уже спал в соседней комнатке, Юлек приносил журнал «Творба», годовые подшивки которого за 1929, 1931, 1932-й и за неполный 1938 г. мы привезли с собой в Хотимерж, листал страницы, прочитывал их, останавливался на своих литературно-критических статьях, делал пометки, а иногда с улыбкой говорил: «Когда я это читаю, вижу, что я все же не совсем глупый. Из всего этого почти могла бы быть книжка».

Он намеревался подготовить эту книгу. Из дубликатов отдельных номеров «Творбы» за 1938 г. Фучик вырезал и наклеил на бумагу свою работу «Сочувствие и протест Антонина Совы». На пишущей машинке Юлек переписал «Святовацлавскую культуру». Однако дальше этого не продвинулся, так как была уйма другой работы.

Несколько месяцев спустя Юлек опять взялся за «Поколения перед Петром». Он мыслил ее как автобиографическую книгу. За несколько дней Фучик написал новую главу, прочитал ее мне, и я уговаривала его писать дальше. Но мы должны были на что-то существовать. И время, которое он мог бы посвятить работе над романом, Юлек вынужден был тратить на редактирование моих переводов и на сочинение «рекламок».

Его давней мечтой было посвятить себя исключительно писательской и исследовательской работе о нашей литературе. Фучик надеялся, что когда-нибудь, в свободной Чехословакии, он будет преподавать в университете историю чешской литературы.

Оккупация лишила его возможности говорить с людьми, общаться с ними посредством своих политических статей, очерков, репортажей, театральных и литературных рецензий. Трагические события, угнетавшие нас с осени 1938 г., напоминали Фучику муки, испытанные в прошлом нашим народом, которые он все же с честью преодолел. Юлек был убежден, что и оккупацию народ тоже переживет. Поэтому Фучик думал о тех бесстрашных и мужественных героях, которые во времена найтемнейшие смогли внушить нашему народу сознание собственного достоинства и возродить в нем веру в лучшее будущее. Юлек составил и предложил издательству «Чин» план выпуска «Чешской библиотеки», в который вошли бы фундаментальные произведения чешской литературы эпохи Возрождения до наших дней.

«Чешская библиотека», которую Фучик хотел сам редактировать, должна была, по его замыслу, стать своеобразной, огромной, примерно сорока – пятидесятитомной хрестоматией чешской литературы, в которой читатель нашел бы все, что необходимо знать о чешской литературе.

Каждый том должен был содержать в себе литературно-историческое введение, краткую биографию автора или авторов, библиографию и иллюстративные приложения.

Предисловие и оформление каждого тома должны были сочетать научную точность с высоким художественным мастерством, дабы читатель получил полное представление об эпохе, запечатленной в произведениях, вошедших в том.

В случае отказа Юлек намерен был предложить «Чину» издание «Чешской хрестоматии 1939 г.». Из чешской прозы, поэзии и политических статей о литературе можно было бы, по мнению Фучика, сделать прекрасный подбор произведений, с тем чтобы читатель нашел там ответы на животрепещущие вопросы сегодняшнего дня. Юлек утверждал, что никто не мог бы написать такой ясный, горячий призыв против прогитлеровского «приспособления», как сделал это, например, в 1890 г. Сватоплук Чех в своем стихотворении «Шаблоны». Издание

хрестоматии, включающей подобные произведения, было бы, как полагал Фучик, хорошим политическим и коммерческим мероприятием.

Но, к сожалению, ни один из этих проектов Фучика так и не был осуществлен.

* * *

Мы оставались в Хотимерже и в осеннюю пору. Мама, объясняя свой отъезд, говорила, что якобы не может оставить Веру одну в Пльзене. В действительности мама очень не любила деревню в осенние и зимние месяцы, когда стояли густые туманы, а на деревьях поникли пожелтевшие листья. Каждый порыв ветра срывал и уносил их тысячами. В сухую погоду ветер в бешеном танце кружил их по земле, а потом, наигравшись, бросал где-нибудь у изгороди. В дождливую погоду листья устилали дороги, сплошь утопавшие в грязи. Во двор мы выходили в деревянных башмаках. На стенах дома появлялись мокрые пятна, которые ширились и росли от фундамента к окнам первого этажа и выше. Все вокруг становилось мокрым и сумрачным.

В городе было несравненно лучше. Квартира в Пльзене теплая. Стоило повернуть кран, как в кухне и в ванной текла вода, тогда как в Хотимерже нужно было со второго этажа спускаться во двор к колодцу. А мыться можно было лишь в корыте, стоявшем в прачечной.

Как только позволяла погода, отец уходил на рыбалку или в лес. Правда, еще летом у старика заболел палец на ноге. Боли мучили его, особенно ночью, не давали спать. Он вставал, ходил по комнате, а когда наступал рассвет, брал в руки бинокль и глядел, не ловит ли кто-нибудь рыбу на его месте в Зубржине. Этого Юлек никак не понимал. И хотя очень уважал отца и искренне его жалел, но не мог не высказать ему своего недоумения относительно того, что он не позволяет другим рыбакам ловить в Зубржине на «его месте». Отец сухо отвечал, что Юлеку этого не понять. Но никогда больше не касался в разговоре этой темы.

Однажды, когда старик был у доктора в Пльзене, пришел сельский сторож и подал Юлеку удочку. Фучик рассмеялся и спросил, зачем ему удочка, ведь он никогда не рыбачил. Удивленный сторож ответил:

– Но ведь я отобрал ее у того человека, что удил на вашем месте!

– А почему вы не дали ему удить? – спросил Юлек.

– Да ведь он браконьерствовал в водах старого пана Фучика! – серьезно разъяснил сторож.

– Оставьте его, пусть ловит, и удочку ему верните, – спокойно ответил Юлек.

Юлек никогда не брал удочку в руки. Если же ему случалось быть возле реки, когда отец вытаскивал рыбу, то немедленно удалялся. Он не любил смотреть, как умерщвляют живое существо. Он был чувствительным, но не сентиментальным. Когда мы, например, ходили вместе на демонстрацию и полицейский при разгоне демонстрантов кого-нибудь избивал резиновой дубинкой, Юлек тут же заступался, Фучик обладал недюжинной силой, но никогда не употреблял ее против слабого и безоружного. Юлек не обидел в своей жизни даже цыпленка. Мама в его присутствии не позволяла себе зарезать курицу или кролика.

Наша коза Лизинька незадолго перед пасхой должна была оягниться. «Вы ни о чем не заботьтесь. Я все беру на себя», – решительно объявил отец. Когда настал долгожданный день, старик ежеминутно заглядывал в хлев. Он с таким нетерпением ждал козлят, что даже забыл про боль в ноге. Вечером он объявил, что не уйдет из хлева до тех пор, пока козлята не появятся на свет. Прошло уже много времени, а отец все не приходил. Юлек предложил пойти посмотреть, что с ним. Мы взяли фонарь и отправились в хлев. Отец лежал на соломенной подстилке. Лизинька стояла у корыта и облизывала козленка. К старику прижимался второй козленок, а третий должен был вот-вот появиться.

– Папа, ради бога, что с тобой? – испуганно воскликнул Юлек.

– Я уже не могу смотреть, как эта бедная коза страдает. Кто знает, сколько еще козлят она даст! – со вздохом ответил отец.

Я сбегала за соседом. Отец встал и заявил, что он сварит козе пиво с медом для подкрепления сил. Наш сосед, старый Плас, между тем помог появиться на свет третьему, а затем и четвертому козленку. Четыре прекрасных козленка, беленьких, как хлопья свежего пушистого снега! Это было что-то невиданное и неслыханное.

– У нас всегда случается что-нибудь особенное, – шутил Юлек.

Старый Плас сказал:

– Четыре козленка – это действительно редкий случай. Коза обычно приносит одного, от силы двух козлят. Редко – трех. Но то, что здесь произошло, я еще в своей жизни не видел. Четыре козленка!

Козлята между тем, хотя и неуверенно, стояли на высоких и тоненьких ножках и требовали пищи.

– Коза всех не сможет прокормить, – задумчиво сказал Плас. – Очень жаль, если козлятки погибнут.

Утром, за завтраком, Юлек предложил для двух козлят организовать искусственное кормление, а двух других оставить на попечение Лизиньки. Тут же мы перенесли козлят наверх, в кухню, и поместили в нише, которую выстлали соломой. Закуток загорюдились двумя ящиками из-под угля. Я налила в бутылку молока, надела на горлышко соску. Юлек уселся на старую кушетку с козленком на руках, открыл ему рот, а я всунула соску. Малыш начал жадно сосать. Угощение пришлось ему явно по вкусу.

В конце недели приехала мама и решительно расправилась с новыми жильцами.

– Виданное ли это дело? Козлов помещать в кухне! – шумела мама.

Но она еще не знала, что внизу, в жилой комнате, отец усадил наседку на яйца, дабы ей не было холодно. С отцом управиться могла лишь мама. Как только она дозналась о проделке старика, наседка тотчас была переселена в курятник.

– Эти мужчины готовы квартиру превратить в хлев! – гневно говорила мама.

Однако сердилась она недолго, ибо во всем этом был замешан Юлек.

Затем мать с отцом решили трех козлят зарезать, а одного оставить. Но Юлек к мясу не прикоснулся. Он говорил, что козлята были его «воспитанниками».

Мама осенью по воскресеньям приезжала в Хотимерж и всегда готовила нам еду на несколько дней. Она была убеждена, что мы тут умираем с голоду, когда ее нет.

На зиму уехал в Пльзень и отец. Доктор сказал, что у старика гангрена.

Примерно в октябре Юлек привез из Праги от «чинянов» книгу Александра Никличка «Чудеса на каждом шагу». В издательстве Фучику предложили перевести с немецкого на чешский язык один печатный лист на пробу. Я с охотой принялась за перевод, а Юлек – за редактирование. Перевод оказался трудным. Для нас в нем в самом деле были чудеса на каждом шагу, потому что мы не знали специальной терминологии из области физики, химии, ботаники, техники. Перевод мы все же сделали, и Юлек отвез его в издательство «Чин». После этого нам поручили всю работу.

Глава V. По следам Вожены Немцовой

Приближалась 120-я годовщина со дня рождения Вожены Немцовой. Юлека еще с лета захватила мысль написать о великой писательнице. При изучении материала он узнал об интересной личности минувшего столетия – Яне Огерале, писателе и журналисте. Якубец писал, что Огерал «проявлял понимание, особенно в делах социальных», и что «прогресс он ставил выше интересов узконациональных». Огерал был одним из самых прогрессивных людей своей эпохи. Поэтому он очень заинтересовал Юлека. Огерал перевел на немецкий язык «Бабушку» Вожены Немцовой.

Поначалу Юлек назвал свою работу: «Две главы о Божене Немцовой и о первом переводчике «Бабушки»» (т. е. о Яне Огерале. – Г. Ф.). Только позже изменил название: «Вожена Немцова борющаяся», придав очерку иное направление.

Когда осенью Фучик ездил в Прагу, то всегда увозил с собой часть нашего перевода Никличка. При редактировании рукописи в главе «Машины времени» Юлек переписал один абзац совсем по-своему, не считаясь с оригиналом:

«...Нажму рычаг – и машина времени мгновенно перенесет меня в прошлое. Я доеду, допустим, до 1847 года и останюсь в Праге, зайду в Канальские сады, где позже был построен большой жилой массив – Винограды, встречу там прогуливающуюся красивую даму – Божену Немцову, приехавшую в Прагу на несколько дней из города Домажлице, или увижу молодого музыканта Бедржиха Сметану, отвешу ему низкий поклон за «Проданную невесту», которую он создаст. А той прекрасной даме я признаюсь в любви к ее «Бабушке», которую она напишет. Возможно, также встречу школьника Яна Неруду и сниму шляпу перед его бессмертием. Затем снова усядусь в свою машину и на третьей скорости возвращусь в современность».

Осенью мы с Юлеком распределяли рабочий день так: утром, между восемью и девятью, завтракали. Кусок хлеба или пирога он ел долго, запивая суррогатным кофе. После девяти садились за работу, которую прерывали в час, чтобы пообедать. Чаще всего на обед была лишь чесночная похлебка да кусок хлеба. Юлек, шутки ради, напечатал на пишущей машинке и красиво оформил меню. На разных языках вписал он в него много названий, которые в переводе на чешский язык означали одно и то же – чесночный суп.

После обеда мы совершали прогулку, во время которой иногда делали покупки. В Хотимерже магазина не было, приходилось идти в ближайшие села – Прживозци или Освратчин. Порой удавалось купить без карточек кусок печени (любимое блюдо Юлека) либо мясо.

В четыре пополудни мы возвращались домой. Я варила «метлу»²¹, а затем снова садились за работу. Вечером слушали зарубежные радиопередачи, прежде всего из Советского Союза. После ужина продолжали работу до двух часов ночи.

Почти каждый год Юлек посещал древний город Домажлице. Впервые он побывал там во время первой мировой войны, когда ему было четырнадцать лет. В то время Фучик еще учился в реальном училище. Ему так понравились старые аркады на площади, что он нарисовал их. Рисунок сохранился до наших дней. Позже, когда мы вместе ездили в Домажлице, Юлек всегда вслух читал мне рифмованную надпись, высеченную на городских воротах:

«Домажлице – родины пограничная твердь.»

²¹ Сорт суррогатного кофе. – Прим. ред.

Чем издревле была ты, тем будешь ты и впредь!»

Эта надпись обрела в условиях оккупации особое, символическое значение.

Юлек любил Домажлице не только из-за его седой древности и насыщенной волнующими событиями истории, но и потому, что по брусчатке его улиц и площадей ходили: Вожена Немцова, Йозеф Каэтан Тыл²², Ярослав Врхлицкий²³.

Еще 27 августа 1938 г. Союз друзей СССР организовал в Домажлице лекцию на тему: «Отношение Советской России к Чехословацкой Республике». Ее прочитал Юлек. Отделение Союза друзей СССР было создано в Домажлице 17 июня, накануне катастрофы нашей страны. Лекция Фучика была проникнута горячей убежденностью в том, что Советский Союз есть и всегда останется верным другом чехословацкого народа.

2 ноября 1939 г. мы отправились в домажлицкую библиотеку. Библиотекарь сидел за своим столом и что-то писал. Юлек попросил каталог. Слово за слово, завязался оживленный разговор. Беседа стала особенно интересной после того, как мы узнали, какие сокровища хранятся в библиотеке, а наш собеседник понял, что Фучик – большой библиофил.

Библиотекарь вызвался показать нам хранилище. Мы заглянули во все его закоулки. Юлека очень заинтересовали книги, хранившиеся в ящиках.

Оказалось, что это первые издания в тетрадах собрания сочинений классиков эпохи национального Возрождения. Юлек спросил, почему тетради лежат в ящиках. Библиотекарь ответил, что это лишние экземпляры. На книжных полках мы обнаружили издание «Бабушки» Божены Немцовой, иллюстрированное Гвидо Манесом²⁴. Эта книга выдавалась читателям в обычном порядке.

Фучик уходил из библиотеки взволнованный. Если бы ему удалось заполучить сочинения, находящиеся в ящиках! Он отвел бы им почетное место в своей библиотеке. Эти произведения Фучик безуспешно искал у букинистов. Мысль о книжных сокровищах не покидала Юлека.

Три раза мы ходили в домажлицкую библиотеку. В последний раз, 29 февраля 1940 г., Юлек предложил пойти пешком в Домажлице. Летом – это одно удовольствие, но теперь была лютая зима. Все же мы тронулись в путь. Дорога оказалась очень плохой. Мы брели по колону в снегу. Юлек шел напрямик через поля и лесные заросли. После нескольких часов утомительной ходьбы, усталые, но в хорошем настроении, мы дошли до Домажлице. Библиотекарь приветствовал нас, как старых знакомых. Вначале разговор касался политической обстановки. Библиотекарь полагал, что Юлек, как журналист, может знать больше, чем кто-либо иной. Особенно его интересовало, долго ли удержится Гитлер у власти. Юлек заверил, что ждать осталось недолго. Библиотекарь был, однако, разочарован, когда Юлек не смог назвать точную дату краха третьей империи.

Юлек спросил, нельзя ли сочинения писателей и поэтов эпохи Возрождения обменять на равноценные книги, которые заинтересуют домажлицких читателей. Библиотекарь согласился. Мы извлекли из ящиков произведения Маха, Клицпера, Лангера, Коубки, Клацела.

Юлек был большой книголюб. Приезжая в Прагу, Фучик непременно навещал букинистов. Он внимательно просматривал старые книги, покупал нужные издания и затем многие из них сдавал Шилингеру в переплет.

Где бы Юлек ни поселялся, пусть даже на короткое время, он тут же обрастал библиотекой. Книги являлись неотъемлемой частью его жизни. Библиотечка в Хотимерже – пятая по

²² Йозеф Каэтан Тыл (1808–1856) – чешский драматург и поэт, автор текста к национальному гимну Чехии. – *Прим. ред.*

²³ Ярослав Врхлицкий (1853–1912) – чешский поэт, драматург, переводчик, глава так называемой «космополитической» школы в чешской литературе. Отец актрисы, журналистки, драматурга, поэтессы и писательницы Евы Врхлицкой. Брат переводчика и театрального критика Бедржиха Фриды. – *Прим. ред.*

²⁴ Гвидо Манес (1828–1880) – чешский художник. – *Прим. ред.*

счету – была наименьшей из всех. И хотя она пострадала от налета гестаповцев, книг в ней сохранилось больше, чем во всех остальных библиотеках Фучика.

* * *

Приближалось 7 ноября 1939 г. Для Юлека эта дата всегда была знаменательной. Когда Фучик работал в «Руде право» или редактировал «Творбу», то всегда старался к 7 ноября оформить наилучшим образом газету или журнал, чтобы они убедительно рассказывали читателям, как растет и крепнет первая в мире рабоче-крестьянская держава. В 1939 г., к двадцать второй годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, Фучик уже не имел возможности писать ни в «Руде право», ни в «Творбе». Он страстно мечтал быть в день годовщины Октября среди людей, говорить с ними о нашем верном друге – Советском Союзе. 7 ноября вечером мы уехали в Прагу. В клубе работников искусств, где встретились постоянные посетители – прогрессивные художники, актеры, писатели, журналисты, Юлек произнес горячую речь о Советском Союзе. Его выступление ободрило всех, подняло дух. Нужно было иметь нечто большее, чем отвагу, чтобы говорить об Октябрьской революции в оккупированной гитлеровцами Праге, в клубе, дверь которого находилась рядом с кафе, в которое ходили офицеры и солдаты гитлеровской армии. Случалось, что они ошибались дверью и вместо кафе попадали в клуб. Но опасность не страшила Фучика. Он считал своим долгом даже в годы фашистской оккупации и террора публично напомнить о великой годовщине.

А оккупационный режим с каждым днем становился все более суровым. Десять дней спустя – 17 ноября – фашисты устроили кровавую баню чешским студентам, зверски разогнав их демонстрацию в Праге. Вслед за тем закрыли высшие учебные заведения, ввели осадное положение в нескольких городах Чехии и Моравии, арестовали и отправили в концентрационные лагеря в Германии свыше тысячи студентов из Праги и Брно.

Из близких наших друзей уже давно были арестованы Иван Секанина, Павел Прокоп, Йожка Ябуркова. Их схватили сразу же после вступления фашистских войск в Прагу. Позже мы узнали, что гестапо искало и Юлека, фигурировавшего в списках кандидатов от коммунистической партии во время выборов в парламент в 1935 г. Однако в то время он жил на Тругларжской улице в Праге, и его по этому адресу не нашли. Нам было также известно, что еще ранней весной 1939 г. гестапо арестовало и заключило в концлагерь руководящих деятелей компартии – товарищей Запотоцкого, Доланского и других, когда они попытались тайно перейти границу. Каждый раз, когда Юлек приезжал в Прагу, он раньше, чем войти в нашу квартиру, по телефону справлялся у соседей Голых, все ли в порядке.

Возвратившись в Хотимерж после выступления в клубе работников искусств, Юлек вновь погрузился в изучение литературы и искусства периода Возрождения.

Глава VI. Последнее рождество

Близились рождество 1939 г. Оно у Фучиков всегда было радостным праздником прежде всего потому, что в дом съезжались все дети. За несколько дней до праздника мама с помощью Веры начинала печь сахарное печенье. В сочельник очень красиво раскладывала его на стеклянном блюде и ставила в маленькой комнате на стол. Мы с Юлеком по обыкновению приезжали в Пльзень в полдень. Возле раскаленной плиты мама готовила рыбный суп и жарила рыбу, которую раздобыл отец. Случалось, в иные годы, папа, если у него было достаточно денег, приносил в дом столько рыбы, что мама не знала, куда ее девать. А отец невозмутимо доказывал: чем больше рыбы, тем больше икры.

– Что за суп без икринок! А ты ведь знаешь, как Юльча любит уху!

Юлек действительно ее обожал. Во время ужина он съел две полнехонькие тарелки. «Ну и уха! Никто на свете не умеет так хорошо сварить ее, как наша мама!» – приговаривал Юлек.

В сочельник, разумеется, стряпни было гораздо больше, чем в обычные дни. Поэтому мама всегда радовалась, если отец уходил куда-нибудь из дому. Иначе он во все вмешивался и только мешал. Но в канун рождества 1939 г. бедняга заболел. В течение дня несколько раз прибегала к родителям Либа, чтобы проведать отца и узнать, не приехали ли «дети» – так у Фучиков называли меня и Юлека. Каждый раз, когда Либуша появлялась в дверях, в доме становилось светлее, точно его озарял луч солнца. Она словно дуновение ветерка: прилетит и исчезнет, оставив о себе радостное воспоминание. Либа во многом была похожа на своего брата Юлека.

Елку к рождеству обычно наряжали Либа и мама, позже в это дело включались Вера и Юлек, если он приезжал из Праги пораньше. Деревцо сверкало ярким украшением из сусального золота, блестящего хрупкого стекла, серебристых бумажных цепочек и разноцветной мишуры! А сколько подарков таилось под ним!

Перед ужином мама обычно тайком шептала мне: «Густичка, скажи Юлеку, чтобы в присутствии Яры (так звали Либиного мужа) Юлек не говорил о политике. Пусть будет покой хотя бы в сочельник». Сама мама не отваживалась сказать это сыну. Я заверяла маму, что Юлек уважит ее желание, но если начнет Яра, то, разумеется, Юлек молчать не станет. Оба они придерживались совершенно различных политических взглядов, и как только оказывались вместе, мир между ними сохранялся недолго. Иногда маме приходилось вмешиваться и утихомиривать их силой своего авторитета, а иной раз она грозила им мутовкой, лишь бы унять распалившихся спорщиков. Либа, перед тем как отправиться на рождественский сочельник к родителям, тоже увещевала мужа не задирать Юлека, не вести разговор о политике, чтобы в праздничный вечер был покой. Ведь Юлек приезжает так редко!

У Фучиков все сияло чистотой. Но какого труда это стоило маме! В семь вечера наступал час праздничного ужина. На столе, накрытом белоснежной скатертью и украшенном веточками омелы и хвои, красовался сервиз, которым пользовались лишь два-три раза в году в торжественных случаях. Из глубокой миски распространялся аромат рыбного супа. На овальном блюде возвышались аппетитные куски жареного карпа. В салатнице – картофельный салат. После главных блюд мама приносила слоеный яблочный пирог, печенье и орехи. Тут как раз появлялись Либа с семьей. Все они садились за праздничный стол. Яра выбирал себе место в уголке дивана и, помня Либину просьбу, сидел молча. Дети Либы радовались подаркам, найденным под елкой. Старшая девочка уже не верила в Христа-младенца. Однако она не рассеивала иллюзий своей младшей сестрички Ганушки, которая каждую минуту спрашивала, когда же придет Христосик. Но это уже было заботой Юлека. Он всегда готов был доставить радость людям, а тем более детям. Он незаметно исчезал и зажигал в спальне свечи на елке, а потом,

также тайком, возвращался в комнату. Именно он слышал звонок в прихожей, хотя в действительности никто не звонил. Юлек выходил в переднюю, шумно открывал двери и будто бы с кем-то громко разговаривал. Потом возвращался в комнату и оповещал, что беседовал с Христом-младенцем, который просил всех пойти в спальню, где он положил под елкой дары. Дети первыми распахивали двери в спальню, где на полу у окна стояла елочка, вся в огнях. А под ней разложены пакеты и пакетики, и на каждом надпись, кому он предназначается.

Сочельник 1939 г. был последним праздником, который Юлек провел с родными. На пакетах с подарками Юлек сделал шуточные надписи: «Пану Карлу Фучику, дабы он не читал о мандрагоре» – Юлек положил под елку для отца книжку-детектив. «Барышне Вере Фучиковой на случай, если бы мы пришли с визитом, дабы могло быть на столе разостлано» (у Веры, младшей сестры Юлека, вскоре предстояла свадьба. Невеста в подарок получила скатерть). «Ее Хотимержской Милости и Бенешовской Знатности Дворцовой даме Марии Фучик – вечерний наряд для изысканного общества» (так Юлек шуточно намекал на Хотимерж, где мама очень много работала. «Бенешовская знатность» – мама родилась в г. Бенешове. Вечерний наряд, о котором писал Юлек, был самым обыкновенным халатом). «Эти две посуды заключают в себе особое хитроумное устройство: как только улетучивается жидкость из одного сосуда, тут же откупоривается другой» (отец получил две бутылки вина).

Каждый из членов семьи находил свое имя на большом или малом пакете, а кое-кто – даже на нескольких, особенно мама и дети. Кроме того, для каждого лежал под елкой пакет с книгой – подарок от Юлека. Одарили мы, конечно, и Юлека. Он получил халат, пижаму, носовые платки и сигареты. Юлек тут же надел новую пижаму, поверх ее – новый халат. В нагрудный карман засунул новый носовой платок. После этого он закурил одну из подаренных сигарет и стал прохаживаться по комнате.

Когда были розданы книги, Юлек начал объяснять маленькой Ганке значение картинок. Он обладал огромной выдержкой и терпением. Летом 1939 г., во время каникул, Ганка закончила первый класс и чтение ей еще давалось туго – Либа учила дочку читать, но быстро теряла терпение. Тогда к Ганке подсаживался Юлек, у них дело шло куда лучше.

В это последнее рождество, 1939 г., мы оставались у Фучиков в Пльзене примерно с неделю.

Глава VII. В обществе птиц

Наш веселый солнечный холл в Хотимерже превратился осенью в склад. Отец развесил на шесте лук, сплетенный в большие золотистые гроздья. На устланном соломой полу лежали яблоки – урожай сада. Нам пришлось перенести свое рабочее место в кухню.

Над кухонным окном отец смастерил проволочную сетку, куда летом клали продукты. Когда после каникул уехала мама, а вскоре за ней отправился, и папа лечить больную ногу, в сетке от всех запасов оставалась лишь пачка маргарина.

Начиная с осени мы с Юлеком спали в комнате, расположенной рядом с кухней, круглые сутки оставляя открытым окно и наслаждаясь свежим воздухом. Зимой 1939/40 г. ударил крепкий мороз. Мы почувствовали его однажды утром, проснувшись от холода и птичьего щебетания. На раме открытого окна сидели две синички. Вдруг одна из них впорхнула в комнату и уселась на спинке кровати. Юлик шевельнулся. Синичка испугалась и юркнула в окно. Юлек встал и взглянул на термометр, прикрепленный к окну.

– Еще бы не замерзнуть! – воскликнул он. – Семнадцать градусов ниже нуля!

На следующий день мне понадобился жир. Я решила достать из сетки за окном пачку маргарина. Но пачка оказалась пустой, хотя форму свою сохранила. Только на одной стороне мы обнаружили небольшое отверстие, через которое, по-видимому, исчез маргарин. Юлек шутя сказал: «Это был не камешек, а дробинка». Этими словами, как известно, заканчивается одна из глав «Робинзона Крузо» Дефо, в которой рассказывается, как Робинзон нашел на необитаемом острове дробинку. Юлек повторял эту фразу, когда сталкивался с чем-нибудь непонятным. Теперь он держал в руках пустую упаковку от маргарина и внимательно ее рассматривал. Да это же синицы выклевали маргарин! А вчера они прилетали упрекать нас за то, что мы о них больше не заботимся. Меня это удивило. Я никогда не слыхала, чтобы синицы ели маргарин. Юлек стал листать «Советчик из Пршедмости». Этот журнал печатал всякую всячину об овощах, деревьях, домашних животных, птицах. Там Фучик прочел, что синицы любят сало. Ну, коль скоро у них не было сала, решил Фучик, птички скушали маргарин.

Близилась весна 1940 г. В начале марта приехал папа. Он очень соскучился по Хотимержу. Через два дня приехала и мама. Солнце пригревало, и на душе становилось веселее. Из земли показались первые нежные зеленые травинки. Плакучая ива у пруда, и та выпустила длинные янтарно-желтые тоненькие, как веревочки, ветки. Ветер и солнце высушили лужи на дорожках перед домом и на дворе, где бегали друг за другом Йерык и Бланка. Пес Виктор в большой проволочной конуре с завистью глядел на них, потом вставал на задние лапы и остервенело лаял. Нашему папе очень хотелось сохранить за Виктором репутацию злого сторожевого пса. Поэтому его днем держали в клетке и выпускали только ночью. Но, несмотря на столь суровый режим, Виктор был самым смирным из всех наших собак.

Вскоре наступили настоящие весенние дни. Однажды мы сидели в холле за работой. Вдруг Юлек спросил:

– Густина, хочешь увидеть усатую птичку? Смотри!

Я с недоверием взглянула в указанном направлении. На перилах террасы прыгала какая-то птаха. Из ее клюва торчали усы, они были гораздо длиннее, чем тело самой птички. Скок, скок по перилам, затем короткий перелет на стол, стоявший на террасе, потом снова скок к отверстию' посреди настольной доски, устроенному для древка полосатого зонта, и птичка юркнула внутрь, в скважину полой ножки стола. Мы с интересом наблюдали. Через минуту птичка вылетела, но без усов. Это была синичка. Мы подождали, что будет дальше. Прошло совсем немного времени, опять появилась усатая синичка. Она мастерила гнездо.

Мы были так поглощены работой, что о синице совсем забыли. Когда стало совсем тепло, Юлек предложил перебраться на террасу. Он принес из холла книги, бумагу, положил на стол

и вдруг замер. Прижав палец к губам, он дал мне знак, чтобы я тоже молчала. На террасе стало тихо, только из сада доносилось пение птиц. Юлек взял со стола бумагу и зашелестел ею. Изнутри полый ножки стола в ответ мы слышали отчетливое шипение. Я с интересом нагнулась над отверстием, но там была кромешная тьма. Юлек зажег спичку, но диаметр дыры был слишком мал и спички не помогли. Тогда Юлек решил воспользоваться крошечной испытательной лампочкой, которой мы контролировали аккумуляторы радиоприемника. Присоединили лампочку к батарейке и осветили глубокую «шахту». Почти на самом дне пустой ножки сидела синица, наклонив головку набок. Единственный видимый нам глаз испуганно глядел вверх на луч яркого света. Птичка замерла.

Нам пришлось освободить стол, чтобы не нарушать покой синички.

С тех пор мы иногда наблюдали за тем, как на перила террасы садится синичка, оттуда перелетает на стол, попрыгает и юрк в дыру. Если близко подойти к столу, то можно слышать тихое шипение. Но чаще в полый ножке стола царила глубокая тишина. Однажды пошел дождь. Юлек оторвался от работы и взглянул на террасу. Капли дождя падали на стол и стекали в круглое отверстие. Гнездо синицы оказалось под угрозой затопления. Фучик принес крышку от коробки, изогнул ее, придав ей форму шалаша, и поставил над отверстием в столе.

– Ну и место же она выбрала себе для гнезда, – промолвил он.

Однажды утром мы заглянули в гнездо. Старой синицы в нем не было. Зато мы увидели целый выводок голых синичек. Их желтые клювики образовали кружок, словно на дне полый ножки стола лежал букетик, обрамленный желтыми цветочками первоцвета. Пока мы разглядывали выводок, на перила опустилась синица-мать с кормом в клюве. Она нетерпеливо ждала, когда мы отойдем от гнезда. А над холлом на крыше радостно распевала другая птичка. Когда Юлек увидел, сколько труда тратят взрослые птицы, чтобы накормить молодых птенцов, сколько рейсов им приходится совершать, он начал потихоньку брать у мамы маргарин и подкармливать синиц. Но однажды попался. Мама застала его прямо на месте преступления.

– А я ума не приложу, куда так быстро уходит маргарин. Вот кто, оказывается, виновник!

Юлек обнял маму и, смеясь, сказал:

– Мамочка, не погибать же птичкам.

Пришел день, когда взрослые синицы не спустились к молодым, а уселись на крыше и необычно громко защебетали. На человеческом языке это могло означать: «Ну-ка, выходи, вылетай!» Из глубины полый ножки стола послышался шум. Юлек, конечно, не мог не поинтересоваться тем, что происходит в гнезде. Заглянув туда, мы увидели, как молодые синички, одна за другой, расправляют крылья, готовясь вылететь на свободу. Но сделать это было не так-то просто: гнездо находилось глубоко внизу, словно на дне колодца. Наконец из его глубин показалась темная головка, а за ней и вся птичка. И вот на столе сидела уже молоденькая синичка и удивленно посматривала на окружающий мир. Старые синицы стали настойчиво звать ее на перила. Молодая расправила крылья, неуверенно замахала и опустилась на перила. Старые перелетали на ближайшее дерево. Птенец последовал за ними.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.